

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЫ*

Касавина Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1;
e-mail: kasavina.na@yandex.ru

В статье предлагается интерпретация положения человека в новой технической среде – электронной культуре, понимание ее социальных, психологических и экзистенциальных рисков и возможностей. Прослеживается многогранность процесса адаптации личности к новым формам коммуникации, социальности и жизненного пространства в целом. Положительный модус влияния электронной культуры связан с расширением когнитивного горизонта, обеспечением человека информацией, доступом к различным видам коммуникации, творчества, самопрезентации, рекреации, выбором форм получения образования и гибкостью трудоустройства. Отрицательный модус определяется поглощающим влиянием мира техники, кризисом традиционных культурных ценностей, которые находятся под угрозой со стороны ритма социальной жизни и информационного шума современного общества. Вызовы человеку интерпретируются через проблемы самоидентификации и феномен интернет-зависимости. Проблематика человека в контексте электронной культуры включается в различные направления философских и научно-гуманитарных исследований, такие как анализ и поиск форм адаптации человека к цифровой реальности, гуманизация процесса цифровизации, когнитивная экология Интернета, создание искусственного интеллекта, гуманитарная экспертиза цифровых технологий.

Ключевые слова: человек, техника, электронная культура, Интернет, идентичность, интернет-зависимость, информация, коммуникация

MAN AND TECHNOLOGY: AMBIVALENCE OF DIGITAL CULTURE

Nadezhda A. Kasavina – DSc in Philosophy, associate professor, leading research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
e-mail: kasavina.na@yandex.ru

The article interprets the position of the human being in a new technical space – electronic culture; provides an understanding of its social, psychological and existential risks and possibilities. The author traces versatility in the process of personal adaptation to the new forms of communication, sociality and the life space. The positive impact of electronic mode of culture follows from the expansion of the cognitive horizon, access to information, to various kinds of communication, creativity, self-presentation, recreation, the education choice and flexibility of employment. The negative influence is due to the absorbing the personality by technology, the crisis of traditional cultural values, which are threatened by the rhythm of social life and information noise of modern society. The author interprets these challenges through the problem of self-identification and the phenomenon of Internet addiction. The human issues in the context of electronic culture becomes the subject matter in the various areas of philosophical and scientific

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00056. «Бытие-в-мире электронной (online-, cyber-, digital-) культуры: новые экзистенциальные, аксиологические, этические вызовы».

research, such as analysis and search forms of human adaptation to digital reality, humanizing the process of digitalization, cognitive ecology of the Internet, the creation of artificial intelligence, the humanitarian expertise of digital technologies.

Keywords: man, technology, digital culture, Internet, identity, Internet addiction, information, communication

В философии во все времена было значимым понимание человека в контексте окружающего его бытия. Человек и Космос, человек и природа, человек и Бог, человек и Дух, человек и общество, человек и культура... Одним из важнейших континуумов человеческого бытия являются отношения человека и техники. Их осмысление обретает все большую актуальность в контексте скачков технического развития, которые были осуществлены в XX и XXI вв., в том числе посредством цифровых технологий. Эти скачки имеют противоречивые следствия. Техника все в большей степени становится продолжением человека, расширением его способностей и возможностей, основанием социальной динамики, частью личностной идентичности. Но возникают риски радикального изменения или даже исчезновения человеческого в неудержимой стремительной реальности социально-технологического развития. Имеется в виду тот феномен человеческого, который является итогом многовекового развития духовной культуры с ее традиционным и ценностно-гуманистическим содержанием.

Философия и социально-гуманитарные науки, исходя из приоритетности сложившихся в истории культуры гуманистических ценностей, анализируют многогранность процесса адаптации человека к новым формам коммуникации, социальности, образования и жизненного пространства в целом. Как меняется человек под влиянием информационно-коммуникативных технологий и электронной культуры? Что происходит с теми фундаментальными ценностями, которые были сформированы традиционными культурами и долгое время обеспечивали экзистенциальную идентичность? Эти вопросы заслуживают особого внимания.

Говоря о человеке в пространстве электронной (цифровой) культуры, мы фактически предпринимаем гибридицию самостоятельных направлений философского исследования, находящихся на разных исторических и логических полюсах. Это философская эпистемология и философия техники с акцентом на анализ информационного общества, с одной стороны, и антропология, экзистенциальная философия, с другой. Интеграция этих исследовательских позиций способна многое прояснить в вопросе о настоящем и будущем человека, общества и культуры.

Вызовы электронной культуры

Электронная культура формируется на основе процесса глобальной информатизации общества, развития цифровых технологий, создания компьютерной альтернативы реальности, единой виртуальной среды Интернета. Интернет стал «социальным ландшафтом», который меняет взаимоотношения человека с природой и техникой, приобретая особую амбивалентность. Результаты научно-технического прогресса вселяют надежды на лучшее будущее человечества, на обеспечение здоровья человека и его оптимальной жизнедеятельности. Вместе с тем имеет место и обостряется тревога за человека. Она представляет собой осознание поглощающего влияния мира техники, отдаления человека от природы, уклона личностного развития в сторону атомизации индивидуальной жизни и кризиса традиционных культурных ценностей, которые находятся под угрозой со стороны ритма социальной жизни и информационного шума современного общества.

Избавляя проблему электронной культуры от лишних негативных коннотаций, хотелось бы отметить, что она вовсе не является каким-то неожиданно новым явлением современности. Ее появление связано с поэтапным развитием техники, информационных технологий и глобализацией их применения. Социотехнологический генезис электронной культуры начинается с массового распространения телеграфа, телефона и радио в социально-коммуникационном качестве, продолжается в период развития телевидения, а затем, с конца 1970-х гг., аккумулируется в создании Интернета. Его технологической почвой и социальным условием выступают военные и транспортные задачи, космические открытия и разработки.

Электронная культура – лишь часть больших изменений, связанных с появлением нового типа общества в русле научно-технического развития. Поэтому разговор о человеке в электронной культуре касается многих взаимосвязанных процессов трансформации массового сознания и массовой культуры.

В оценке социально-антропологических изменений электронной культуры особое место занимает проблема кризиса самоидентификации, свободу которой предоставляет Интернет с его виртуальным пространством, многообразием информации и коммуникации. Человеку доступен выбор виртуального Я со всеми его составляющими. Однако наряду с возможностью этого выбора происходит отчуждение реального Я с риском развития размытой, изменчивой идентичности. Личность становится мишенью для дезадаптирующего и деструктивного влияния информационной среды, формирования аутических симптомов и дальнейшего нарушения идентичности [Patridge, 2011; Botz-Borstein, 2004].

Информационные технологии являются вызовом традиционным формам личностного становления через значимую коммуникацию, традицию, экзистенциальное соприкосновение человека с реальностью. Выбор виртуальных возможностей оборачивается утратой Я, расщеплением идентичности, отчуждением личности от собственной телесности, угрозой здоровому физическому состоянию. Парадоксом электронной реальности является то, что виртуальное измерение жизни человека приобретает для него ценность истинного, а физически реальное становится инструментальным, второстепенным, утрачивающим значимость [Баева, 2013, с. 75; Pollock, 2007].

О сходной тенденции писал К.Г. Юнг, говоря о проблеме человека в индустриальном обществе, которая обострилась в информационную эпоху. «Омассовление никак не ведет к взаимопониманию между людьми, скорее оно ведет к атомизации, т. е. к душевному обособлению индивидов...» [Юнг, 1995, с. 162]. «Но перед нами сегодня возникает настоящая опасность – вся действительность замещается словами. Это ведет к ужасающему отсутствию инстинкта у современного, в особенности у городского, человека. Он лишен контакта с растущей, живущей, дышащей природой. О кролике или корове знают только по иллюстрациям, энциклопедиям, киноэкрану и думают, будто их действительно знают, а потом дивятся тому, что в стойле “пахнет”, ведь об этом в энциклопедии ничего не написано» [Юнг, 1995, с. 110]. Опасения К.Г. Юнга применительно к современному обществу оправдались в еще большей степени. Реальность заменяется как словами, так и множеством искусственных образов, увеличивающихся в геометрической прогрессии. С воздействием на человека этого хаотического множества связана проблема «клип-сознания» или «клип-культуры», которая распространяет «клипы», клочки информации. В результате у человека не формируется система идей, представлений, знаний, а только разрозненные обрывки самых разных случайных сведений. Индивидуальные картины мира становятся хаотичными, провоцируется инфантилизм, затрудняется последовательный жизненный выбор личности и поиск ею своего места в мире и социальном пространстве.

Необходимо задать вопрос: в чем же специфика этого негативного влияния электронной культуры? Ведь и ранее, до информационного взрыва, виртуальная культура существовала и влияла на личность, например, через увлечение чтением художественной литературы. Очень возможно, что дело в содержании воздействия и нарушении баланса между участием человека в реальной и виртуальной жизни, а также особой роли рекламы в рыночном обществе. Современные средства массовой коммуникации большей частью способствует распространению (покупке и потреблению) продуктов массовой культуры, нивелирующих личностно-экзистенциальное развитие, навязыванию

дешевых сенсаций и сплетен. В ситуации большого риска при этом оказываются дети и подростки в силу несформированности когнитивного, ценностного и эмоционального каркаса.

Человек информационного общества часто погружается в виртуальную реальность через компенсаторный консум, укрываясь от повседневной рутины, занимая свое время пустыми развлечениями в сети Интернет и ненужной коммуникацией. В традиционном обществе обмен товарами происходил в контексте реального общения людей на рыночной площади. В современном рынке происходит все ускоряющееся бегство от повседневной реальной коммуникации в сеть Интернет. Место уличных демонстраций заняли интернет-петиции. Онлайн-кинотеатр заменяет уже не только живой спектакль, но и поход в кино. Повседневность в ее экономическом, политическом и культурном измерении лишается ее смысла, который когда-то был сформирован в традиционных культурах и классической европейской культуре гуманизма.

Человек постепенно заменяет участие в реальной жизни на жизнь в другом измерении через социальные сети, мессенджеры, компьютерные игры, которые требуют менее напряженной душевной и духовной работы и вместе с тем предоставляют возможность легкого досуга с его яркими красками. Под влиянием этого модуса электронной культуры происходит усиление неподлинности повседневной жизни, раздвоение реальности на две: виртуальную, яркую и удобную, и реальную, повседневную, которую нелегко подстроить под себя.

Негативные процессы происходят и в области коммуникации. Так, важнейшим следствием влияния возросших информационных потоков является качественная трансформация социального взаимодействия, и прежде всего принципа «ориентации на другого» [Игнатъев, 2017, с. 3]. Это означает, что в современном обществе сокращаются возможности экзистенциальной коммуникации, которая включает личное общение, доверие и понимание. Происходит ее подмена большими объемами поверхностной коммуникации, в которой ее содержание уходит на второй план. Коммуникативная перегруженность становится барьером для взаимодействий со значимыми людьми, творчества и развития. Человек утрачивает способности восприятия социально-психологических особенностей собеседника, что отрицательно сказывается на эмпатии и ответственности в общении. Электронная реальность размывает традиционные различия между работой и досугом, публичным и частным, реальным и настоящим, человеком и машиной. Происходит растворение привычных границ социального мира, которое имеет свои преимущества и недостатки, а также нуждается в становлении особых личностных механизмов адаптации.

Другими аспектами негативного влияния увлеченности человека интернет-возможностями являются многократное возрастание информационной нагрузки, что в совокупности с дефицитом двигательной активности, перестройкой восприятия провоцирует истощение нервной системы, проблемы со зрением и общим развитием организма.

Особые опасения вызывает проблема интернет-зависимости. Она была концептуализирована в науке в 1990-е гг., однако вопрос о критериях патологического использования Интернета остается проблемным. Самым сильным показателем интернет-зависимости, подтвержденным эмпирическими исследованиями, является время соединения. В качестве других симптомов, которые в своей совокупности определяют интернет-аддикцию, фигурируют: уход от реальности; навязчивое желание войти в Интернет; более частое использование Интернета, чем это практически необходимо; потеря интереса к другим социальным, профессиональным и досуговым мероприятиям; игнорирование физических или психологических последствий использования Интернета [Young, 1998]. Эти критерии должны присутствовать у конкретного человека не менее 1 года, чтобы считать их аддиктивными.

Вместе с тем, как показывают современные дискуссии, концепция Интернета как инструмента для подключения человека к виртуальной реальности, которая отделена от реального мира, для выполнения конкретных задач, перестает быть актуальной. Объем цифровой информации и электронных услуг во всех сферах жизни людей привел к такому проникновению Интернета (включая устройства, приложения и социальные платформы) в профессиональную и повседневную жизнь людей, что он трактуется уже не как средство или инструмент, а как продолжение или расширение разума, познания и деятельности. Формируется новая концепция инфосферы, где между онлайн- и автономными жизнями нет четких границ, где Интернет концептуализируется как среда существования человека, которая характеризует и меняет когнитивные процессы [Floridi, 2014]. Осуществляется интеграция интернет-устройств в «когнитивную архитектуру» человека, включая их фактическое воздействие на развитие человека, его мозга и когнитивные способности.

Учитывая масштаб проникновения цифровых технологий в жизненный мир человека, не получается рассматривать Интернет как средство, которым можно легко пренебречь. Это новая сфера жизнедеятельности человека, которая характеризует современного человека и современное сообщество. В контексте этого понимания модель интернет-зависимости пересматривается и уточняется [Musetti, 2018], в том числе чтобы быть актуальной современному состоянию проблемы и способствовать адекватному видению патологических ситуаций и потенциальных методов их лечения.

Важным аспектом концепции интернет-зависимости является понимание ее как признака социальной дезадаптации, которая сопровождается депрессией, общим беспокойством или иным расстройством личности. Нарушения социальной адаптации зачастую предшествуют симптоматике интернет-зависимости, что подчеркивает ее возможный сопутствующий характер в отношении других, более глубоких расстройств [Davis, 2001]. Так, ребенок с расстройством внимания испытывает трудности с включением в школьную среду и общением со сверстниками, что сказывается на его когнитивном и психологическом развитии и увеличивает риски патологической интернет-зависимости.

Важно понимать, что указанные кризисные аспекты формирования личностной идентичности определяются не именно электронной культурой. Они обусловлены общим изменением традиционных связей, ценностей и отношений, динамикой, вызванной техническим и технологическим прогрессом, продолжающейся глобализацией общества.

Оценивая негативные следствия информатизации общества, следует принимать во внимание, что они могут быть вызваны целым спектром факторов, в том числе не связанных с цифровыми технологиями. Так, известно, что на сегодняшний день Россия занимает первое место в мире по активности использования социальных сетей и других порталов виртуального общения [Дужникова, 2010]. Однако это может определяться не только привлекательностью социальных сетей и склонностью россиян к интернет-зависимости, но и низким качеством жизни в России, выраженным расслоением и наличием большого числа людей с низкими доходами. Люди не могут позволить себе качественную рекреацию, заменяя ее общением в социальных сетях или медиапотреблением, т. е. медиа-рекреацией. В этой связи эффективная комплексная социальная политика, ставящая в центр благополучие человека, способна сгладить многие негативные проявления информатизации и различных социальных трансформаций. Кроме того, как показывает отмеченное исследование социальных сетей, активность россиян в социальных сетях снижается, а значит, происходит естественная адаптация человека к распространению информационно-коммуникативных технологий. Можно предположить, что развитие способностей взаимодействия человека с виртуальным пространством Интернета и управление им позволит снизить его отрицательное воздействие и направить в русло обогащения и развития человека и социокультурной реальности.

В качестве примера вектора такого развития можно привести исследование интеллектуальных «добродетелей» в отношении человека, воспитание которых должно быть включено в содержание образования (школьных и университетских программ, курсов критического мышления) и способствовать успешной адаптации к интернет-пространству [Heersmink, 2018]. В качестве таких добродетелей называются: любопытство, интеллектуальная независимость, интеллектуальная скром-

ность, интеллектуальная умеренность, внимательность, интеллектуальная аккуратность, интеллектуальная открытость, интеллектуальное упорство и мужество. Сама идея необходимости воспитания определенных качеств и навыков, помогающих человеку ориентироваться в реальности Интернета, оптимизировать поиск информации, является актуальным и адекватным ответом на вызовы электронной культуры, а также поворотом к ее новым ресурсам для личностного развития.

Исследование отношений между интернет-пространством как новой средой существования человека и его пользователями дает начало новым исследовательским трендам в области философских исследований, например, когнитивной экологии Интернета, направленной на понимание особенностей и снятие рисков постоянного доступа человека к огромному массиву цифровой информации. Научные ресурсы снятия рисков, когнитивные изменения и когнитивное благополучие человека, феномен расширенного разума – эти и другие задачи современных гуманитарных исследований отражают переход от оценки Интернета как источника человеческих рисков к пониманию его новых возможностей [Smart et al., 2017; Clowers, 2018].

Новые возможности электронной культуры

На положение человека в пространстве культуры, разумеется, нельзя смотреть однобоко, представляя личность как пассивного потребителя или пассивного участника социокультурных преобразований. Посмотрим на электронную культуру как сферу роста возможностей человека и человечества и представим альтернативу тревожным дискуссиям об информационно-коммуникативной перегрузке человека, кризисе идентичности и негативной трансформации коммуникации.

Возможности электронной культуры связаны с широким доступом к информации, развитием дистанционного образования, расширением коммуникации, творческой самореализацией, разнообразием рекреации через результаты художественно-культурной деятельности. Все это имеет положительное значение для формирования личности и качества ее жизни.

Доступ к информации способствует возникновению особого типа личностной свободы и защищенности, связанной с получением или возможностью получения ответов на возникающие вопросы. Обогащается жизненный мир человека, развивается его сознание, облегчается или становится более решаемой проблема выбора или действия. Различного рода информационные порталы предоставляют пользователям возможность найти интересующую его информацию через электронные библиотеки, свободные энциклопедии и иные виртуаль-

ные ресурсы. Многие сайты предоставляют информацию в режиме онлайн, прибегая к экспертной деятельности. Электронная культура в целом отличается тем, что огромный массив данных транскрибирован, представлен в виде записей. В современном обществе люди оставляют больше письменных свидетельств своей жизни, чем во все предыдущие эпохи, что предоставляет новые возможности [Дудина, 2016]. Открывается широкий доступ к личностно-нагруженной информации, следовательно, человек располагает дополнительными ресурсами самопонимания, проектирования переживаний и собственной жизненной истории. Высокий информационный потенциал современной культуры способствует успешной адаптации личности к многообразию жизненных ситуаций и противоречий.

Открывающиеся перспективы информационного общества создают новые источники познания и самопознания, творческой самореализации и самопрезентации, делают более доступным соприкосновение людей с опытом предыдущих поколений. Креативность, поощрение индивидуального развития и культурного своеобразия – важнейшие признаки информационного общества, отмеченные еще А. Туреном, Э. Тоффлером, М. Кастельсом. Человеку через соответствующие технологии доступны сегодня широкие возможности получения образования и проявления творческих способностей благодаря расширению форм обучения и системы гибкого трудоустройства. В целом в информационном обществе актуализируются новые навыки жизненной и когнитивной ориентировки: эффективное перемещение, оценка, сравнение, синтезирование информации и др. [Heersmink, 2016]. Через Интернет большое количество людей одновременно совершают когнитивные операции по сходным темам, что способствует сотрудничеству, обмену информацией и координации коллективных усилий и коллективного принятия решений [Smart et al., 2017].

Важнейшим ресурсом личностного развития является коммуникация, которая благодаря технологиям электронной культуры становится все более доступной, обеспечивая «разомкнутость экзистенции». Коммуникативные ресурсы способствуют общению и успешному совладанию человека с такими экзистенциальными проблемами, как преодоление одиночества, ощущение бессмысленности, заброшенности. Хорошим примером в данном контексте выступают социальные группы, которые именно через информационные технологии получают возможность активного включения в социокультурную среду (например, люди с ограниченными возможностями и пожилые люди).

Рост численности пожилых людей, характерный для современного общества, ставит перед ним новые задачи, связанные с трансформацией институтов в интересах социального включения пожилых и повышения качества их жизни [Григорьева, Келасев, 2016]. Согласно исследованиям, новые информационные ресурсы востребованы пожи-

лыми людьми в первую очередь для общения. Эта функция особенно важна для поддержания связи между разными поколениями семей, которые в современных условиях социальной мобильности часто живут в разных местах. Приобщение старшего поколения к информационному миру, как правило, начинается с электронной почты, скайпа или сетевых коммуникаций, а затем дополняется покупками через интернет, просмотром кинофильмов, поиском посильной занятости. Это важный пример участия информационно-коммуникативных технологий в преодолении социальной дезинтеграции и социальных дистанций.

Аргументом положительного влияния электронной культуры, позволяющим снизить опасения об информационной перегрузке человека, является психологическое обоснование Интернета как современного этапа знакового (семиотического) опосредствования деятельности. В соответствии с положениями культурно-исторической теории развития психики, постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и трансформации высших психических функций (Л.С. Выготский). Эта линия и сегодня находит продолжение в современной психологии [Бабаева, 1998; Войскунский, 2002].

В исследованиях развития психики в результате освоения и применения человеком компьютеров теоретически и экспериментально обосновано, что структура высших психических функций обогащается, в частности, за счет необходимости не только строить знаковые системы, но и обучаться технологиям их применения [Тихомиров, 1993]. Компьютер и Интернет также, в свою очередь, развиваются в процессе, который напоминает спираль взаимного влияния электронной и личностной реальности на все более высоких ступенях их развития. Электронная культура меняет человека, который, в свою очередь, эволюционирует таким образом, чтобы изменить культуру.

Методологический потенциал культурно-исторической психологии рассматривается как в России, так и за рубежом как перспектива создания искусственного интеллекта и переход от базовых, низкоразрешенных когнитивных явлений (координация, восприятие и навигация) в создании робототехники до моделирования высокоуровневого человеческого познания (обучение, классификация, абстракция, память, внутренний контроль и психическая жизнь) [Miroli, 2011].

Подведем итоги. В отношении общего процесса информатизации общества и влияния электронной культуры на человека не получается занять однозначно критическую или принимающую позицию. Очевидны и понятны некоторые отрицательные когнитивные, ценностные и экзистенциальные следствия этого влияния на личность. Среди них можно назвать следующие:

– происходит сужение возможностей непосредственного соприкосновения человека с реальностью и личностно-значимой, экзистенциальной коммуникации как важнейших каналов формирования экзистенциального опыта;

– наблюдается кризис процесса самоидентификации личности, рост искажений идентичности, инфантилизма, становление и упрочнение феномена размытой идентичности, открывающей возможности для манипуляций индивидуальным и общественным сознанием;

– современные информационно-коммуникативные технологии усиливают распространение и влияние низких образцов массовой культуры через рекламу, низкопробные фильмы, компьютерные игры и т. п. Это препятствует освоению произведений высокой культуры с их насыщенным духовно-экзистенциальным содержанием, восприятие которого требует подготовки, сосредоточения и внутренней работы;

– доступ к огромному массиву информации затрудняет поиск достоверных данных, особенно на фоне «клипового» сознания, и способствует распространению ложных сведений, мнений, знаний;

– снижается качество повседневной жизни человека, происходит ее обесценивание, усиливается ощущение неподлинности реального существования, в котором утрачиваются важнейшие культурные ценности.

Нельзя сказать, что эти отрицательные следствия свойственны только современному информационному обществу с развитыми цифровыми технологиями. Отнюдь нет. Пожалуй, эти следствия относятся к развитию средств массовой коммуникации в целом, но под влиянием электронной культуры они обрели особую интенсивность.

Следует различать непосредственные эффекты нововведений, определяемые поставленными целями, и длительные, непрогнозируемые влияния. В случае информационно-коммуникативных технологий эти непосредственные эффекты не определялись заботой о человеке, а были инспирированы военно-промышленными проектами. Неудивительно, что их благоприятное влияние на человека и его существование является неочевидным. Аналогичный пример здесь – возникновение и развитие книгопечатания, которое имело вполне конкретные институциональные и финансовые предпосылки. Издатели производили и распространяли книги не из общих гуманных соображений, а в силу конкретных задач извлечения прибыли. Однако книгопечатание стало мощным импульсом развития человека и культуры, способствовало снижению социальных дистанций через обучение грамотности. Другой пример – изобретение железной дороги – представляет собой существенное изменение в преодолении больших расстояний для перемещения людей или перевозимого груза. И хотя поезд был средством перемещения, его различные функции (промышленные, гражданские) способствовали социокультурной революции XIX в. Поезд, пройдя путь от инструмента к сильнейшему фактору конструирования социокультурного пространства, изменил представления о промышленности, способствовал такому изменению среды, которое сформировало человека индустриальной эпохи. Таковы вообще долговременные социальные эффекты технологий, которые могут пока не угадываться,

но, вероятно, обнаружатся и у электронной культуры, которая создает сегодня человека цифровой эпохи. Попытка понимания этого человека, исследование меняющейся социокультурной, когнитивной и технологической ситуации, прогнозирование способов адаптации к ней являются актуальными задачами эпистемологических, антропологических и иных гуманитарных направлений.

Итак, электронная культура дает в руки человеку мощный инструмент, которым он только учится пользоваться в целях самовыражения и саморазвития, но который уже привел к обострению некоторых «человеческих» проблем. Перспективы разрешения этой ситуации видятся, с одной стороны, в повестке «позитивного экзистенциализма», настраивающего на адаптацию к реальности, и гуманизации всего процесса цифровизации, в создании «техники с человеческим лицом», с другой. Здесь особая роль отводится включению ученых-гуманитариев в технологические проекты, организации гуманитарной экспертизы цифровых технологий.

Список литературы

- Бабаева, 2013 – *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Психологические последствия информатизации // Психол. журн. 1998. Т. 19(1). С. 89–100.
- Баева, 2013 – *Баева Л.В.* Электронная культура: опыт философского анализа // Вопр. философии. 2013. № 5. С. 75–83.
- Войскунский, 2002 – *Войскунский А.Е.* Исследование Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Под ред. И.О. Семенова. М.: Гендальф, 2002. С. 235–250.
- Григорьева, 2016 – *Григорьева И.А., Келасьева В.Н.* Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 82–85.
- Дудина, 2016 – *Дудина В.И.* Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социол. исслед. 2016. № 9. С. 21–30.
- Дужникова, 2010 – *Дужникова А.С.* Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. С. 238–251.
- Игнатъев, 2017 – *Игнатъев В.И.* Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социол. исслед. 2017. № 7. С. 3–12.
- Тихомиров, 1993 – *Тихомиров О.К.* Информационный век и теория личности Л.С. Выготского // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 1. С. 114–119.
- Юнг, 1995 – *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. М.: Мартис, 1995. 320 с.
- Botz-Borstein, 2004 – *Botz-Borstein T.* Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition? // Philosophy in the Contemporary World. 2004. Vol. 11. No. 2. P. 43–49.
- Clowers, 2018 – *Clowers R.W.* Immaterial engagement: human agency and the cognitive ecology of the internet // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2018. P. 1–21. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11097-018-9560-4> (дата обращения: 07.06.2018).

- Davis, 2001 – *Davis R.A.* A Cognitive-Behavioral Model of Pathological Internet Use // *Computers in Human Behavior*. 2001. Vol. 17. No. 2. P. 187–195.
- Floridi, 2014 – *Floridi L.* The 4th Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 248 p.
- Heersmink, 2018 – *Heersmin, R.* A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 1–12.
- Heersmink, 2016 – *Heersmink R.* The internet, cognitive enhancement, and the values of cognition // *Minds and Mashines*. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 389–407.
- Mirolli, 2011 – *Mirolli M.* Towards a Vygotskyan Cognitive Robotics: The Role of Language as a Cognitive Tool // *New Ideas in Psychology*. 2011. Vol. 29. No. 3. P. 298–311.
- Musetti, 2018 – *Musetti A., Corsano P.* The Internet Is Not a Tool: Reappraising the Model for Internet-Addiction Disorder Based on the Constraints and Opportunities of the Digital Environment // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00558/full#B40> (дата обращения: 01.06.2018).
- Nabeth, 2009 – *Nabeth T.* Social Web and Identity: A Likely Encounter // *Identity in the Information Society*. 2009. Vol. 2. No. 1. P. 1–5.
- Patridge, 2011 – *Patridge S.* The Incurable Social Meaning of Video Game Imagery // *Ethics and Information Technology*. 2011. Vol. 13. P. 303–312.
- Pollock, 2007 – *Pollock J.* What am I? Virtual Machines and The Mind / Body Problem // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 76. No. 2. P. 237–309.
- Smart et al, 2017 – *Smart P., Heersmink R., Clowes R.W.* The Cognitive Ecology of the Internet // *Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice (2nd ed.)* / Ed. by S. Cowley., F. Vallée-Tourangeau. N. Y.: Springer, 2017. P. 251–282.
- Young, 1998 – *Young K.S.* Internet Addiction: The Emergence of A New Clinical Disorder // *CyberPsychology and Behavior*. 1998. Vol. 1. No. 3. P. 237–244.

References

- Babaeva, U., Voiskunsky, U. “Psihologicheskie posledstviya informatizacii” [The psychological effects of informatization], *Psychology Journal*, 1998, vol. 19, no. 1, pp. 89–100. (In Russian)
- Baeva, L. “Elektronnaya kultura: opyt filosofskogo analiza” [Electronic culture: experience of philosophical analysis], *Voprosi filosofii*, 2013, no. 5, pp. 75–83. (In Russian)
- Botz-Borstein, T. “Virtual Reality and Dreams. Towards the Autistic Condition?”, *Philosophy in the Contemporary World*, 2004, vol. 11, no. 2, pp. 43–49.
- Clowers, R. W. “Immaterial Engagement: Human Agency and The Cognitive Ecology of The Internet”, in: *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2018, pp. 1–21. [<https://link.springer.com/article/10.1007/s11097-018-9560-4>, accessed on 07.06.2018]
- Davis, R. A. “A Cognitive-Behavioral Model of Pathological Internet Use”, *Computers in Human Behavior*, 2001, vol. 17, no. 2, pp. 187–195.

Dudina, V. “Cifrovye dannye – potencial razvitiya sociologicheskogo znaniya” [Digital Data-Development and Its Potential For Sociological Knowledge], *Sociological Studies*, 2016, no. 9, pp. 21–30. (In Russian)

Dugnikova, A. “Sotsialnye Seti: Sovremennye Tendencii i Tipy Polzovaniya [Social Nets: Current Trends and Types of Use], *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion*, 2010, vol. 5, pp. 238–251. (In Russian)

Florida, L. *The 4th Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 pp.

Grigorieva, I., Kelasiev, I. “Internet v zhizni pogilykh: namereniya i realnost’” [Internet in The Lives of Elderly People: Intentions and Reality], *Sociological Studies*, 2016, no. 11, pp. 82–85. (In Russian)

Heersmink, R. “A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education”, *Social Epistemology*, 2018, vol. 32, no. 1, pp. 1–12.

Heersmink, R. “The Internet, Cognitive Enhancement, and The Values of Cognition”, *Minds and Machines*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 389–407.

Ignatievm, V. “Informacionnaya peregruzka socialnoi sistemy i ee posledstviya” [Information Overload of The Social System and Its Social Consequences], *Sociological Studies*, 2017, no. 7, pp. 3–12. (In Russian)

Jung, K. G. *Analiticheskaya psikhologiya [Analytical Psychology]*. Moscow: Martis, 1995. 320 pp. (In Russian)

Mirolli, M. “Towards a Vygotskian Cognitive Robotics: The Role of Language as A Cognitive Tool”, *New Ideas in Psychology*, 2011, vol. 29, no. 3, pp. 298–311.

Musetti, 2018 – Musetti, A., Corsano, P. “The Internet Is Not a Tool: Reappraising the Model for Internet-Addiction Disorder Based on the Constraints and Opportunities of the Digital Environment”, *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9. [<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00558/full#B40>, accessed on 01.06.2018]

Nabeth, 2009 – Nabeth, T. “Social Web and Identity: A Likely Encounter”, *Identity in The Information Society*, 2009, vol. 2, no. 1, pp. 1–5.

Patridge, S. “The Incurable Social Meaning of Video Game Imagery”, *Ethics and Information Technology*, 2011, vol. 13, pp. 303–312.

Pollock, J. “What Am I? Virtual Machines and The Mind/Body Problem”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2007, vol. 76, no. 2, pp. 237–309.

Smart, P., Heersmink, R., Clowes, R. W. “The Cognitive Ecology of the Internet”, in: Cowley, S., Vallée-Tourangeau, F. (eds.). *Cognition Beyond the Brain: Computation, Interactivity and Human Artifice (2 ed.)*. New York: Springer, 2017, pp. 251–282.

Tikhomirov, O. “Informacionnyi vek i teoriya lichnosti L. S. Vygotskogo” [The Information Age and The Theory of Personality by L. S. Vygotsky], *Psychology Journal*, 1993, vol. 14, no. 1, pp. 114–119. (In Russian)

Voiskunsky, U. “Issledovanie Interneta v psikhologii” [Internet research in psychology], in: Semyonov, I. O. (ed.). *Internet i rossiiskoe obshchestvo [Internet and Russian society]*. Moscow: Gendalf, 2002, pp. 235–250. (In Russian)

Young, K. S. “Internet Addiction: The Emergence of A New Clinical Disorder”, *CyberPsychology and Behavior*, 1998, vol. 1, no. 3, pp. 237–244.